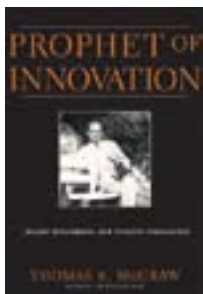

Пророк Кали

Аарон Бенанав

Томас Мак-Кроу. *The Prophet of Innovation: Joseph Schumpeter and Creative Destruction*. London and Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. 719 p.¹

ААРОН БЕНАНАВ. Kali's Prophet. *New Left Review*. № 48. November–December 2007. P. 139–151. Сокращенный перевод с английского Армана Абельсвитова под редакцией Артема Смирнова

¹ Томас Мак-Кроу. Пророк инноваций: Йозеф Шумпетер и созидательное разрушение.

В 1918 ГОДУ в кофейне, расположенной напротив Венского университета, Макс Вебер обсуждал со своими друзьями Феликсом Сомари и Йозефом Шумпетером текущие события. Как следует относиться к Октябрьской революции, к большевикам? Шумпетер заявил, что теперь марксизм может подвергнуться настоящему лабораторному тестированию. Вебер возразил: тогда эта лаборатория будет полна трупов, поскольку эксперимент проводят большевики. «Все анатомические театры одинаковы», — хладнокровно заметил Шумпетер.

Хладнокровие Йозефа Алоиза Шумпетера основывалось не только на его сложно организованной личности: на людях он играл роль обаятельнейшего аристократа, а в частной жизни был измученным меланхоликом. Его интеллектуальная независимость ставит его особняком среди экономистов, которым нелегко дать оценку его достижениям. Поскольку его имя ассоциируется с представлением о «созидательном разрушении», некоторые коллеги называли его ницшеанцем, а многие критически настроенные мыслители приветствовали его отрицание существующего порядка. Некогда учившийся у него Джеймс Тобин характеризовал Шумпетера как экономиста, перевернувшего марксизм с ног на голову. Правда, при этом стоит добавить, что подобная операция должна была дать нам нового Гегеля. И подобно Гегелю, Шумпетер видел во всяком прогрессе решительное отрицание, разрушение, которое является творческим актом само по себе. Его позиция нам знакома: мы обязаны стойчески восходить на плаху. Временные невзгоды спада (даже если они выпадут на долю нескольких поколений) были в его глазах условием последующего материального достатка. Если трудящиеся и политики это поймут (что станет буржуазным дополнением теории абсолютного знания), то увидят, что капитализм выйдет победителем даже в самые тяжелые для рыночной экономики моменты. Таким образом, Шумпетер становится экономистом для экстренных случаев: когда все интерпретации кейнсианства исчерпываются, к нему обращаются для того, чтобы сжечь все существующее, поскольку огонь позволяет капитализму возродиться из пепла, подобно птице феникс.

Шумпетер родился в небольшом моравском городе Трише в 1883 году; в год, когда родился Кейнс и умер Маркс. Когда его отец, занимавшийся производством тканей, погиб в результате «очевидного несчастного случая на охоте», Йоганна Шумпетер вместе с четырехлетним сыном перебралась в несколько более крупный австрийский город Грац, вероятно, чтобы обеспечить лучшее образование для Йозефа. Мак-Кроу не комментирует слухи, касавшиеся смуглого лица Шумпетера, хотя другие биографы полагают, что он мог быть незаконнорожденным сыном отставного генерала Зигмунда фон Келера, за которого мать Шумпетера вышла замуж, когда ее сыну было десять лет. Если это предположение вер-

но, значит Шумпетер был аристократического происхождения, которого он так сильно желал. Брак матери имел очень тонкий расчет, и благодаря ему юный Йозеф получил возможность поступить в академию Терезианум, считавшуюся Итоном Австро-Венгерской империи. В Терезиануме Шумпетер легко овладел шестью языками и на всю жизнь полюбил верховую езду. Из-за безвременной смерти отца у него развилась патологическая привязанность к матери, которая в свою очередь делала все ради его успеха. Мак-Кроу предполагает, что мать была образцом для созданной сыном модели предпринимательства, так как она за шесть лет из бедствующей вдовы превратилась в знатную даму.

После окончания учебы в Терезиануме Шумпетер поступил в Венский университет. Официально он числился правоведом, так как экономика тогда еще не считалась самостоятельной дисциплиной. Мак-Кроу вкратце останавливается на историческом контексте, в котором Шумпетер избрал свой курс научных занятий. Перед его взором была дряхлеющая империя, далеко отставшая от своих соседей в процессе перехода к капитализму и заметно страдавшая от своей отсталости. Шумпетер читал о более передовых экономиках Великобритании и Германии, их растущее богатство производило на него сильное впечатление. То время было *belle époque*: мировая экономика в середине 1890-х годов восстановилась после затяжного кризиса, а за океаном уже начался подъем баронов грабительского капитализма. Мак-Кроу кратко касается культурной атмосферы того времени, хотя и не поясняет, почему Вена оказалась столь питательной средой для многих великих умов: город Шиле и Климта, Музиля и Крауса, Лооса и Фрейда оспаривает в его изображении неким пассивным фоном.

После окончания университета в 1906 году Шумпетер побывал в Париже, Лондоне и Оксфорде. В Великобритании он женился на английской аристократке Глэдис Рикард Сивер, возможно, усвоив урок матери: вступать в браки лучше всего с представителями высших классов. Но брачные узы его не слишком сдерживали: Шумпетер был еще тот ходок, и ему явно нравилось рассказывать о своих оргиях и интрижках. Супружеская пара переехала в Каир, где Шумпетер работал юристом по лицензионным отчислениям. Там же он написал свою первую книгу «Сущность и основное содержание теоретической политэкономии».

Его книга прошла почти незамеченной среди ученых Германии, тем не менее она стала первым в ряду рекордных достижений: Шумпетер стал самым молодым австрийским экономистом, получившим звание приват-доцента, позволявшее ему заниматься преподавательской деятельностью на всей территории империи, а его книга была засчитана за докторскую. В 1909 году начался двухлетний период работы Шумпетера в Черновцах, на востоке империи (там он победил на дуэли библиотекаря, который отказывался выдавать книги его студентам), после чего он получил звание полного профессора в Граце, где он жил когда-то, и стал самым молодым профессором в своей области.

В 1911 году он опубликовал «Теорию экономического развития», в которой впервые представил свои наиболее характерные идеи. Начав свой анализ со статической мо-

дели равновесия Вальраса, Шумпетер без труда продемонстрировал ее неспособность объяснить природу присущего капитализму экономического динамизма. Однако в этот период он подчеркнул исключил из своей системы всякое историческое измерение, сосредоточившись не на конкретных проявлениях развития, а на абстрактном «механизме изменения». Шумпетер считал, что общая сумма реальных изменений, происходящих в экономике, никак не влияет на сам механизм; этот тезис он впоследствии подвергнет сомнению.

В центре динамической модели Шумпетера лежали пять типов инноваций: появление новых товаров, внедрение новых методов производства, открытие новых рынков, открытие новых источников сырья и реорганизация отрасли. В отличие от природных катастроф или даже политических пертурбаций, эти инновации внутренне присущи капитализму. Без них невозможно объяснить даже бесконечно малые усовершенствования равновесия при развитии. «Добавляйте столько почтовых карет, сколько вам заблагорассудится, железную дорогу вы все равно не получите». Это утверждение вызвало скандал в среде экономистов-теоретиков. Вальрас подчеркнул пассивность, внутренне присущую рынкам, которым приходится реагировать на привносимые извне нарушения равновесия; у Шумпетера рынки активны. Более того, в теориях предельной полезности активным действующим лицом был, как правило, потребитель; у Шумпетера активен производитель. Инновации, согласно Шумпетеру, происходили там, где рождалось предложение: для введения нового товара сначала нужно создать спрос на него.

Далее Шумпетер утверждал, что инновации возможны только на основе кредита: банки не только управляют распределением существующих средств, они создают эти последние. Теперь, после кейнсовского «Трактата о деньгах» (1930 год), эта созидательная функция получила всеобщее признание, но тогда это звучало невероятно революционно. Позднее Шумпетер посвятит многие годы созданию книги о деньгах, но оставит работу над ней, когда его плодовитый сотоварищ отодвинет его на второй план. По мнению Шумпетера, кредиты предназначены в первую очередь для того, чтобы стимулировать инновации. Когда банки выдают денежные ссуды, они выбирают те компании, которые с наибольшей вероятностью будут снижать затраты и обеспечивать новаторам временные сверхприбыли.

Эта теория позволила Шумпетеру сделаться восходящей звездой в обществе немецкоязычных экономистов.

Следующая важная работа этого периода «Социология империализмов» (1918 год) странным образом не упоминается у Мак-Кроу. Здесь Шумпетер прослеживает историю воли к завоеваниям, путь, усеянный трупами, восходящий еще от Древнего Египта. Он утверждает, что, принимая во внимание эту длительную историю, политику империализма нельзя связывать исключительно с капитализмом, которому (как явствует из его собственных заявлений), по сути, свойствен антиимпериализм и даже пацифизм. Тем не менее автор выявляет множество причин, в силу которых капиталистические страны, оказавшись перед лицом возрастающей конкуренции, могут утратить способность противостоять империалистическому соблаз-

ШУМПЕТЕР СТАЛ САМЫМ МОЛОДЫМ АВСТРИЙ- СКИМ ЭКОНОМИСТОМ, ПОЛУЧИВШИМ ЗВАНИЕ ПРИВАТ-ДОЦЕНТА, А ЕГО КНИГА БЫЛА ЗАСЧИТАНА ЗА ДОКТОРСКУЮ

ну, следствием чего оказывается война на уничтожение, то есть ситуация, «поистине непереносимая как политически, так и экономически». В сноске Шумпетер выражает свое несогласие с Марксом: общество «обречено на то, чтобы перерасти капитализм, но это произойдет потому, что достижения капитализма, вероятно, сделают само его существование излишним, а не потому, что его дальнейшее существование будет невозможным из-за внутренних противоречий». Далее он подчеркивает: «во избежание возможных недоразумений отмечу, что я не считаю капитализм *финальной* стадией эволюции общества, чем-то, что существует в силу естественной необходимости». Мак-Кроу оставляет это замечание без оценки; его герой, живи он сегодня, мог бы одобрить это умолчание.

На волне своей известности Шумпетер назначается на пост министра финансов в социалистическом правительстве Первой австрийской республики, избранном в феврале 1919 года. На этот пост Шумпетера рекомендовал его бывший однокашник Отто Бауэр, который стал новым министром иностранных дел. Шумпетер переехал в Вену, приобрел коня и стал разъезжать по городу в экипаже в сопровождении проституток. Как министр финансов он предложил ввести налог на капитал, чтобы обуздать инфляцию. В газетах приводилось его разъяснение: «Операция заканчивается в очаге, где должны сгореть все наличные деньги и собственность, попадающие в руки государства». Едва ли это был лучший способ представить общественности спорное политическое решение, особенно в дни возросшей политической напряженности, когда многие жители столицы попросту голодали. Сложные отношения с иностранными дипломатами, по всей вероятности, связанные с вопросом о продаже австрийских фирм зарубежным инвесторам, предоставление прессы предложений до их обсуждения в парламенте, открытое неприятие объединения с Германией, которое поддерживали социалисты, противостояние мажорам правительства в обсуждении условий мирного договора — все эти просчеты привели к отстранению Шумпетера от должности всего через семь месяцев.

Но еще больше дров Шумпетер наломал в 1920 году, когда правительство предоставило ему концессию, позволившую возглавить банк. Он стал президентом Бидерманбанка. На этом посту помимо большого оклада он получил обширный кредит. В соответствии со своей теорией, он стал вкладывать средства в сеть инновационных фирм. Когда в 1924 году венский биржевой рынок рухнул, Шумпетер потерял все, и на выплату долгов у него ушло более десяти лет. Более того, возможное участие в теневых сделках обременяло его репутацию, когда он старался получить должность профессора. В конце концов Шумпетер оставил политику и бизнес, потерпев неудачу в обоих. А поскольку он ушел из университета, решив испытать себя на банковском поприще, ему пришлось заняться поисками работы.

В обстановке этих профессиональных затруднений Шумпетер влюбляется в Анни Йозефину Райзингер, дочь консьержа жилого дома в Вене, где прошло детство экономиста. Анни была на двадцать лет моложе Шумпетера, но, что важнее, она принадлежала к рабочему классу. Добившись при помощи влиятельных друзей профессуры в Боннском университете, в 1925 году Шумпетер женился; шафером на свадьбе был юрист Ханс Кельзен. Этот союз шел вразрез с ожиданиями его матери, но его ожидала еще более тяжелая семейная катастрофа: не прошло и года, как скончалась его мать, а еще через два месяца при родах умерла

и Анни. Два этих трагических события подкосили Шумпетера. После глубокой депрессии он страдал непрекращающейся меланхолией и ипохондрией. Шумпетер тогда начал заниматься странным делом — переписывать и комментировать дневник Анни. В своем собственном дневнике он нежно называл свою мать и Анни *die Hasen* — «зайчиками». Он призывал их присматривать за ним, благодарил их, когда добивался успеха, просил прощения, когда переживал неудачу. Эти ритуальные действия продолжались до самой смерти Шумпетера, даже после того как он переехал в 1932 году в Соединенные Штаты, получив предложение Гарварда о постоянной работе, и женился вновь.

В США личная жизнь Шумпетера приобрела сравнительно монотонный характер, хотя при этом он не выходил из состояния глубокой депрессии. Несколько эпизодов характеризуют жизнь нашего героя. В 1937 году женой Шумпетера стала Элизабет Буди Фируски, тоже экономист, специализировавшаяся на быстром экономическом развитии Японии. Она страдала диабетом, и врачи строго-настрого запретили ей иметь детей, вследствие чего рухнули надежды Шумпетера на появление наследников. ФБР, возглавляемое Гувером, подвергло расследованию взгляды обоих супругов в годы войны. В книге Мак-Кроу приводятся документы, свидетельствующие о неуклюжих попытках агентов уличить их в неблагонадежности.

В 1930-х годах Шумпетер упорно недооценивал Гитлера и национал-социалистов. В 1939 году он публично заявлял, что победа Германии принесет Европе более стабильный расклад политических сил. Впоследствии, когда США вступили в войну, он был подвергнут остракизму общественностью Гарварда, поскольку выразил ужас перед бомбардировками Германии и Японии; он видел в них разрушение, лишенное всякого созидательного потенциала. Все это время его взгляд был направлен в сторону угрозы с Востока: Шумпетера все больше тревожил рост мощи Советского Союза.

Следующую свою крупную работу «Экономические циклы» Шумпетер опубликовал в 1939 году. Значительный перерыв в творческой активности привел к тому, что этот труд появился на два года позже, чем «Общая теория» Кейнса. Увлечение кейнсианством в то время росло, и новая работа Шумпетера осталась незамеченной даже его собственными студентами в Гарварде. Сам Шумпетер в дневнике упрекает себя за отсутствие некоей веберовской харизмы, которая могла бы позволить ему отвлечь внимание публики от более красноречивого англичанина.

Согласно Шумпетеру, каждый экономический цикл вытекал из определенных инноваций, которые в свою очередь порождали дальнейшие инновации. Чем больше предпринимателей вступает в игру, тем скорее исчерпываются возможности дальнейшего развития. Эта модель бизнеса превращается в новую норму, и старые фирмы либо приспособляются, либо терпят провал. В разгар этого первичного цикла начинается вторичный, и становится трудно «определить, где же тот факел, от которого разгорается пожар». Другие фирмы и даже семьи, не имеющие прямого отношения к распространяющейся волне инноваций, используют преимущества, предоставляемые им происходящими переменами, наращивая свое производство и потребление. Однако, по мере того как разворачивается первичный цикл, те, кто рассчитывал на рост доходов, который должен был бы позволить им совершить новые приобретения, внезапно оказываются по уши в долгах. Пе-

реход к новой норме принимает форму спада или депрессии перед ее окончательным закреплением.

В основном этот процесс был описан Шумпетером в «Теории экономического развития». Книга «Экономические циклы» явилась логическим развитием этих идей, но ее оригинальность, широта и интерес являются следствием применения теорий автора к описываемому им историческому материалу. Вероятно, Шумпетер совершил этот исторический поворот, посчитав его лучшим способом защиты капитализма, после того как началась Великая депрессия: в годы массовой безработицы и незначительного роста многие стали сомневаться в жизнеспособности капиталистической системы. В глазах Шумпетера прошлое доказывало, что эти знаки не являлись поводами для тревоги: капитализм и прежде проходил через подобные испытания и выходил из них в добром здравии, а последняя депрессия не тяжелее той, что имела место в 1873–1896 годах.

Таким образом, Шумпетер обращается к *longue durée*, чтобы показать: подъемы и кризисы органически присущи логике капиталистического развития. Твердой рукой он проводит читателя через 150 лет истории, используя предложенную Кондратьевым модель трех длинных волн и бесчисленного множества кратких. Он принимает эту модель в качестве полезного упрощения, поддающегося, как он отмечает, статистической проверке. Но он напоминает читателям, что экономические циклы разворачиваются только вследствие инноваций: развития промышленности, железных дорог, автотранспорта и электрификации. Несмотря на эти оговорки, выстроенная в книге структура циклов более или менее определенной длительности предопределила ее неуспех. Говоря об этом результате, Мак-Кроу приводит слова Пола Самуэльсона, одного из лучших студентов Шумпетера и крупного экономиста в своей области: проект «отдавал пифагорейством». Другие экономисты, если только они интересовались данным вопросом, высказывали сходные сомнения. Мак-Кроу объясняет недостаток их интереса главным образом плохой редактурой: изложению Шумпетера недоставало изысканной элегантности «Общей теории» Кейнса, к тому же оно было чересчур длинным для одной книги.

После бескураживающей реакции публики на «Экономические циклы» Шумпетер приступил к осуществлению нового проекта. В это время он написал книгу популярных эссе, которая стала его подлинным шедевром, «Капитализм, социализм и демократия». Первое ее издание вышло

в 1942 году и, в сущности, не получило признания, но в изменившейся послевоенной обстановке ее переиздание 1947 года пользовалось растущим успехом.

«Капитализм, социализм и демократия» начинается с пространного рассуждения о работах Карла Маркса, который первым попытался осмыслить структуру капитализма, определяющую долгосрочные закономерности развития. Согласно взглядам Шумпетера, Маркс неверно представлял себе направление этого развития. Зависимость от трудовой теории стоимости привело его к ошибочному выводу, что связанная с развитием техники безработица приведет к сокращению зарплат и обнищанию рабочих. На самом деле все обстояло ровно наоборот: реальные заработки неуклонно росли со времен промышленной революции как процент от общего дохода. В послесловии Мак-Кроу замечает, что в этом вопросе Шумпетер так же неправ, как был когда-то неправ Маркс: «Начиная с 1980-х годов доля рабочих в общем национальном доходе постепенно стала сокращаться

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

П. В. Кузнецов. Набросок

во многих странах, и особенно в Соединенных Штатах». Но при этом Мак-Кроу не пытается объяснить такие перемены. Шумпетер в целом с одобрением относится к «химической» смеси теории и истории у Маркса. Для Маркса история — не только источник примеров; с ней необходимо считаться потому, что она по-разному влияет на эволюцию капитализма. Шумпетер в «Экономических циклах» начал создавать собственную смесь, заключив, что краткосрочная волна 1930-х годов имела неправильные черты, которые он объяснял продолжавшимися изменениями общественного устройства в условиях развивающегося капитализма. Здесь Шумпетер впервые попытался показать, как абстрактный механизм изменений может трансформироваться в конкретные перемены, им инициируемые. Эти трансформации затем оказались в центре внимания в книге «Капитализм, социализм и демократия».

Маркс предсказывал, что капитализм сам подрывает свои экономические основы, а Шумпетер в этом сильно сомневался. Напротив, утверждал он, можно ожидать, что в следующие полвека после 1928 года развитие продолжится, как и раньше. К 1978 году Соединенные Штаты должны были стать настолько богатыми, чтобы позволить себе все возможные социальные программы. В выборе этой даты есть некая ирония, так как примерно в это время начался неolibеральный демонтаж созданной ранее скромной сети социальной защиты. Но помимо этих не-

удачных предсказаний в тексте Шумпетера содержалось немало интересных идей. И главой из них была его идея «созидательного разрушения». Маркс выявил существование закономерных экономических циклов, но его объяснение фундаментальных причин этих циклов не устраивало Шумпетера. Если бы Маркс выявил действительные причины, ему пришлось бы признать, что циклы являются достоинством капитализма, а не пороком. Угроза спада требует усилий, для того чтобы удерживаться на достигнутом уровне или даже превосходить его. Иначе говоря, экономические циклы заставляют извлекать благо из угрозы. Эту модель Шумпетер применяет к крупным фирмам, которые оказались в центре дебатов о несовершенной конкуренции и ее негативном воздействии на общие темпы роста. И здесь Шумпетер решительно расправляется с распространенной тогда теорией краха капитализма.

В представлении Шумпетера, несовершенная конкуренция всегда носит временный характер: не обладая достаточным знанием экономической истории, теоретики не замечают, что все, что бизнес делает в целях получения «несправедливых» преимуществ, работает лишь в течение непродолжительного времени, после чего даже крупнейшим компаниям приходится отступить под натиском новых, инновационных конкурентов. Более того, утверждает Шумпетер, крупные компании не менее, а более инновационны, чем малые, в условиях совершенной конкуренции. У них имеется больше средств для проведения исследований, они могут себе позволить пойти на такой риск, который не по силам малым предприятиям. Статисти-

ческие данные показывают, что «большую реальную эффективность капиталистического производства в эпоху крупномасштабного производства по сравнению с предшествующей стадией мелких и средних предприятий». Здесь Шумпетер одерживает важную победу над своими современниками: когда в середине 1960-х и в 1970-х годах международная конкуренция ширилась, американские компании, которые ранее считались образчиками монополистического капитализма, столкнулись с натиском со стороны более эффективных зарубежных конкурентов, которые вскоре поколебали их господство.

Многие рассуждения Шумпетера остаются спорными. С одной стороны, он утверждает, что капитализм разрушил основы «старого порядка», который ранее был политической защитной оболочкой экономического развития. Буржуазия представляет собой класс политических идиотов, не способных удержать бразды правления: «Даже гений бизнеса вне стен своего кабинета часто и слова никому поперек сказать не решится ни у себя в гостиной, ни с трибуны». С другой стороны, в век большого бизнеса научно-исследовательские команды все чаще заменяют индивидуального предпринимателя в качестве движущей силы инноваций. Крупные предприниматели прошлого были последними, кто имел свою долю на конкурентном рынке и при распределении частной собственности. В их отсутствие недовольные интеллектуалы рано или поздно убедят массу, что их спасение в социализме, и никто не останется в стороне от борьбы. История показала, что Шумпетер ошибался как в одном, так и в другом. Мак-Кроу уверяет

читателей, что не стоит беспокоиться о конце капитализма: это лишь ворчание «выдающегося, но подверженного хронической депрессии представителя европейской элиты, свидетеля целого ряда катастроф, случившихся в течение кровавой первой половины двадцатого столетия».

Мак-Кроу считает в равной степени необязательным всерьез рассматривать тезисы Шумпетера о социализме; по его мнению, к ним нужно относиться как к сатире в духе памфлета Джонатана Свифта «Скромное предложение». Это прискорбно, потому что Мак-Кроу таким образом упускает возможность дать оценку воззрениям одного из бывших соучеников Шумпетера, радикального адепта свободного рынка Людвиг фон Мизеса. В 1920 году Мизес писал, что, поскольку при социализме отсутствует механизм ценообразования, который в рыночной экономике снабжает производителей важной информацией, в условиях социализма невозможно будет определить, что и в каком объеме нужно производить. Это положило начало спорам о социалистическом расчете, которые продолжились и в 1930-х годах. Из континентальной Европы они переместились в Великобританию, где Хайек способствовал возобновлению обсуждения работ своего учителя, выпустив том его переводных работ. Предложенная Шумпетером критика взглядов Мизеса и Хайека положила конец этой дискуссии. Шумпетер заявил, что сторонники социализма уже одержали победу. Социалистическая экономика действительно нуждается в некоем подобии механизма ценообразования, но социалисты доказали, что его построение возможно. Возможно, Шумпетер и думал, что социализма нужно бояться (именно так говорит Мак-Кроу), но его приверженность к ценностно-нейтральной науке потребовала от него должного внимания к социализму. Возможно, здесь можно усмотреть истоки дружбы Шумпетера со своим учеником, марксистом Полом Суизи, и постоянно оказываемую тому поддержку.

В конце написанной Мак-Кроу биографии создается представление, что Шумпетер поставил читателя перед одним простым вопросом: достаточно ли он силен, чтобы противостоять тревожениям, порождаемым созидательным разрушением? Как только мы начинаем понимать, как работает капитализм, нам приходится признать беспорядок неотъемлемой составляющей его развития. Если связанные с кризисом неурядицы окажутся слишком большими, граждане могут высказаться в пользу социализма, который будет обеспечивать им блага, мало чем отличающиеся от тех, которые им сейчас предоставляет капитализм, но система будет управляться единым плановым органом. При социализме лишь придется пожертвовать малой толикой преимуществ роста, чтобы смягчить напряженность, вызываемую циклическими волнами. Мы можем спросить: действительно ли единственное, чего мы ждем от преобразования общественного устройства, это стабильный рост? Разве критика капитализма сводится только к неприятию экономических циклов: спадов и подъемов? Шумпетер исходит из того, что, доискиваясь до глубинных причин своего недовольства, стоит взглянуть на стоящую за циклами историю. Мы привыкаем к тому, что за спадом следует рост, забывая о том, что главное — это реальные инновации, которые постоянно меняют экономическое существование. Маркс размышлял о растущей резервной армии труда именно потому, что в середине 1860-х годов полагал, что будущее капитализма за относительно автоматизированными производ-

ственными процессами, как это произошло, к примеру, в химической промышленности. Сейчас, когда компьютерные технологии преобразуют одну отрасль за другой (вероятно, качественно иным образом, нежели это происходило при появлении автомобилей и предметов длительного пользования), можно задаться вопросом, что ждет нас за горизонтом последнего спада, который начался в 1970-е годы и конца которому пока не видно.

После своей смерти в 1950 году Шумпетер оставил нам почти завершенную рукопись по истории экономики, его все больше беспокоил недостаток исторического знания в экономической науке. Перед тем как уйти в мир иной, он сказал: «Если бы я снова начинал заниматься экономикой и мне бы сказали, что я смогу изучить только один предмет [теорию, статистику или историю] по выбору, я выбрал бы историю экономики». И он привел три основания такого выбора: экономика как таковая есть уникальный исторический процесс, этот процесс определяют не только чисто экономические институты, ошибки экономистов происходят главным образом вследствие их пренебрежения историей. Мак-Кроу хотел, чтобы мы восприняли эти слова как жесткий упрек коллегам. А в справедливости такого упрека едва ли могут быть сомнения. ■

ТОМАС МАК-КРОУ — ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПРОФЕССОР ИСТОРИИ БИЗНЕСА ГАРВАРДСКОЙ ШКОЛЫ БИЗНЕСА (США), ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИК АМЕРИКАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ И СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Creating Modern Capitalism: How Entrepreneurs, Companies, and Countries Triumphed in Three Industrial Revolutions. Cambridge: Harvard University Press, 1997. (Создание современного капитализма: как предприниматели, компании и страны одержали триумф в трех промышленных революциях).

American Business 1920–2000: How It Worked. Wheeling, IL: Harlan Davidson, 2000 (Американский бизнес 1920–2000 годов: как он работал).

КНИГИ И СТАТЬИ, УПОМЯНУТЫЕ В РЕЦЕНЗИИ

Джон Мейнард Кейнс. *Общая теория занятости, процента и денег.* М.: Эксмо, 2007.

Джонатан Свифт. *Скромное предложение, имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков в Ирландии были в тягость своим родителям или своей родине, и, напротив, сделать их полезными для общества*// Джонатан Свифт. *Памфлеты.* М.: Гослитиздат, 1955.

Фридрих Хайек. *Экономический расчет при социализме.*// Фридрих Хайек. *Индивидуализм и экономический порядок.* М.: Изограф, 2000.

Йозеф Шумпетер. *Капитализм, социализм и демократия.* М.: Экономика, 1995.

Йозеф Шумпетер *Теория экономического развития.* М.: Прогресс, 1982.